

А. А. БЛОК

**Солнце над Россией
(Восьмидесятилетие Льва Николаевича Толстого)**

Когда в 1881 году Победоносцев убедил правительство повесить пятерых «цареубийц»¹, Лев Толстой написал просьбу о помиловании их и просил Победоносцева передать эту просьбу. Несмотря на отказ Победоносцева, письмо дошло до царя (через генерала Черевина). Тогда в знаменитом заседании Государственного совета 8 марта Победоносцев произнёс свою историческую речь, настоял на требовании о повешении и, ухватив кормило государственного корабля, не выпускал его четверть века, стяжав себе своей страшной практической деятельностью и несокрушимым, гробовым холодом своих теорий имя старого «упыря».

Старый упырь теперь в могиле. Но мы знаем одно: в великую годовщину 28 августа, в сиянии тихого осеннего солнца, среди спящей, усталой, «горестной»², *но всё той же* великой России, под знакомый аккомпанемент административных распоряжений и губернаторско-уряднических запрещений шевелиться, говорить и радоваться по поводу юбилея Льва Толстого, прошла *всё та же* чудовищная тень.

Тень старого упыря наложила запрет на радость. День 28 августа прошёл, как принято выражаться, «в общем спокойно». Это значит, в переводе на русский язык, зловеще, в мрачном молчании. «Реакция». «Усталость». Толстому дарят плуг и самовар. Толстому шлют телеграммы о победе света над тьмою. Несколько газет выпускают юбилейные номера... Таков день 28 августа.

Все привычно, знакомо, как *во все великие дни, переживаемые в России*. Вспоминается всё мрачное прошлое родины, всё, как подобает в великие дни. Чья мёртвая рука управляла писто-

летами Дантеса и Мартынова? Кто пришёл сосать кровь умирающего Гоголя?³ В каком тайном и быстро сжигающем огне сгорели Белинский и Добролюбов? Кто увёл Достоевского на Семеновский плац и в мёртвый дом? И когда в России не было *реакции*, того, что с нею и за нею, того, что мы, пережившие ясные и кровавые зори 9 января, осуждены переживать теперь *каждый день*? Или это так мало — «политическая реакция»? За этим вульгарным словом стоит та обыденность и каждодневность, которую мы ощущаем на собственной шкуре с доподлинной силой и яркостью. Это не только «неудобно», «скучно», «томительно». Это — *страшно и странно*.

Величайший и единственный гений современной Европы, высочайшая гордость России, человек, одно имя которого — благоухание, писатель великой чистоты и святости — *живёт среди нас*. И неусыпно следит за ним чьё-то зоркое око. Кто же это: министр ли, который ведаёт русскую словесность, простой ли сыщик, или урядник? Да неужели нам всем, любящим Толстого, как часть своей души и своей земли, было бы так *странно* и так *страшно*, если бы за душой и землей нашей следили *только* они? И разве видно *им* сокровенное земли и души нашей, благословенные дали Ясной Поляны? Нет, не они смотрят за Толстым, их глазами глядит мёртвое и зоркое око, подземный, могильный глаз упыря⁴. И вот при свете ясного и неугасимого солнца, в *несомненный* день рождения Льва Николаевича Толстого, а следовательно, в день ангела и моего и тысяч других людей, — становится нам жутко, и мы, писательская братия, говорим слова тревожные, говорим древним, хаотическим, «двоеверным» языком могильных преданий.

Часто приходит в голову: всё ничего, всё ещё просто и не страшно сравнительно, пока жив Лев Николаевич Толстой. Ведь гений одним бытием своим как бы указывает, что есть какие-то твёрдые, гранитные устои: точно на плечах своих держит и радостью своею поит и питает всю страну и свой народ. Ничего, что нам запретил радоваться Святейший Синод⁵: мы давно уже привыкли без него печалиться и радоваться. Пока Толстой жив, идёт по борозде за плугом, за своей белой лошадкой, — ещё росисто утро, свежо, нестрашно, упыри дремлют, и — слава богу⁶. Толстой идёт — ведь это солнце идёт. А если закатится солнце, умрёт Толстой, *уйдёт последний гений*, — что тогда?

Дай господи долго ещё жить среди нас Льву Николаевичу Толстому. Пусть он знает, что *все* современные русские граждане, без различия идей, направлений, верований, индивидуальностей, профессий, впитали с молоком матери хоть малую долю его великой жизненной силы.

1908

